

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

БЫЛА ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В МАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ 1920-Х ГОДОВ?

В 20-е годы нашего столетия в марийском литературном языке было создано большое количество новых лексических образований. Создавались они путем максимального использования словообразовательных возможностей родного языка. Для пополнения словарного запаса литературного языка, который у марийцев начал формироваться в 70-х годах XIX века, наибольшее распространение получили такие способы, как активизация словообразовательных суффиксов и создание сложных образований. Имело место также создание т. н. искусственных слов. Пополнение словарного запаса литературного языка в то время стало одной из важнейших задач культурного строительства. Необходимость его как языкового процесса, как и ориентация на словообразовательные возможности родного языка, никем не оспаривалась и не вызывала никаких сомнений.

Однако после 1937 года, когда коренным образом изменилось направление языкового строительства, в основу которого теперь был положен надуманный тезис сближения с русским языком, благородные начинания 1920-х годов стали расцениваться как националистические и пуристические.

В последнее время в марийском языкознании в целом правильно оценивается плодотворная словотворческая деятельность 20—30-х годов. Тем не менее время от времени даже в научной литературе появляются публикации, преднамеренно искажающие языковую ситуацию в тот сложный период жизни марийского общества, о чем в частности свидетельствует статья Г. И. Лаврентьева «К оценке лексических новообразований 20—30-х гг.» (Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология, Йошкар-Ола 1986, с. 45—65).

Так как вопросы лексического обогащения марийского литературного языка не утратили своей актуальности и в связи с начавшимся процессом возрождения марийского общества поднимаются с новой силой, есть необходимость остановиться на некоторых принципиальных позициях автора данной статьи.

Прежде всего необходимо обратить внимание на два момента. Первый — тон публикации, неуважительный и некорректный, что вызывает сожаление. Второй момент — недостаточное аргументирование выводов. Основной аргумент, который использует автор, это идеологические наскоки, неуместные ссылки на материалы Пленумов ЦК КПСС, выступление К. У. Черненко, положения статей и выступлений, написанных с позиций великодержавного шовинизма в годы сталинизма и опубликованных до 1956 года. Статья вся пронизана лозунговыми

утверждениями, ничего не значащими демагогическими высказываниями. Если бы не дата (1986 г.), можно было подумать, что она была написана в самые мрачные годы сталинизма.

Думается, отсюда понятен теоретический уровень «научных изысканий» исследователя, претендующего на исключительность в научном познании языковых процессов, развивавшихся в первые, самые трудные годы у народов, освободившихся от социального и национального угнетения, ученого, постигшего «краеугольные камни, узловые вопросы материалистической науки о закономерностях развития языка и общества» (Лаврентьев, с. 63), осмыслившего «пульса общественной жизни и языковую ситуацию в многонациональном Союзе ССР» (там же).

Статья, написанная в подобном ключе, наверно, не заслуживала бы серьезного внимания, если бы проблема обогащения лексики марийского языка не была столь актуальна и на современном этапе его развития. Перед языковедами, деятелями культуры и литературы и сейчас стоит вопрос: какими путями идти в дальнейшем развитии лексики — продолжать беспорядочное заимствование или же обратить свой взор к опыту словотворчества 20-х годов? Четкого представления в марийском языкознании пока, пожалуй, не имеется, хотя все больше сторонников приобретает точка зрения, отстаивающая необходимость мудрого использования возможностей родного языка. Но для того, чтобы у читателей создалось объективное представление о словотворческой деятельности первых марийских языковедов, необходимо уточнить некоторые моменты, касающиеся принципиальных вопросов языкового строительства, представленных в статье Г. И. Лаврентьева в искаженно-субъективном понимании.

Первый вопрос, который требует беспристрастного честного ответа — нужно ли было в 20-х годах создавать новые слова или следовало ограничиться только использованием, как выражается Г. И. Лаврентьев, «коммуникативно крайне необходимых советизмов и других заимствованных слов» (с. 46). Он считает, что новообразования 20-х годов, стремление, как он пишет, «всячески увеличить удельный вес марийских народных элементов в родном литературном языке» (с. 46) — это не что иное как «засорение литературного языка». Вот так, не больше, но и не меньше. Признать такую логику — значит начисто отрицать внутренние возможности родного языка, сложившиеся в нем в процессе длительного исторического развития. Следовать ей — значит сознательно обречь марийский язык на медленное вымирание, бросить литературный язык в объятия стихийности с неопределенной будущностью. Поэтому подобный нигилистический подход к проблемам языкового развития не приемлем. Пренебрежительное отношение к вопросам обогащения лексики — следствие непонимания закономерностей развития языков в период пробуждения национального самосознания освободившихся народов. Марийский народ тогда переживал именно такой период. Поэтому не должно быть никакого сомнения в необходимости для него подобного словотворчества — весь ход развития марийского общества в послереволюционный период, сама языковая и политическая ситуация вели к этому. Нетрудно представить, что произошло бы с марийским языком, если бы он принял всю огромную лавину новых понятий только в виде русских заимствований, как предлагает Г. И. Лаврентьев. Марийский литературный язык, еще не окрепший, только встававший на ноги, был бы поглощен этим потоком. Без активного целенаправленного словотворчества невозможно было успешно решать огромные социальные и культурные задачи, вставшие перед марийским народом в тот сложный период начавшегося обновления.

Непонятно утверждение Г. И. Лаврентьева о «навязывании марийскому народу пуристических направлений». Сама обстановка почти сплошной неграмотности населения привела к этому пути, который удачно совпал с задачами сохранения чистоты языка. Поэтому замечание Г. И. Лаврентьева по поводу неологизмов, будто «все они противоестественные слова, представляющие собой грубое нарушение литературных и языковых норм» (с. 49), не имеет под собой реального основания. Они были необходимы для марийского языка и сыграли положительную роль в т. н. реализации марийского языка, под которой понимали тогда существенное расширение сферы его функционирования.

Серьезно уязвим и тезис Г. И. Лаврентьева о «противоестественности» неологизмов. Человек, знакомый с марийским языком, не говоря уже о специалисте, скажет, что такие слова, как *лапем* 'низменность' < *лап* 'низина' + суффикс *-ем*, *куэм* 'ткань' < *куаш* 'ткать' + суффикс *-эм*, *рүдеж* 'радиус' < *рүдө* 'центр' + суффикс *-еж*, *төрвер* 'равнина' < *төр* 'ровный' + *вер* 'место', *о́кымтүлыш* 'алименты' < *о́кым* 'против воли' + *түлыш* 'плата', *туленер* 'электричество, ток' < *тул* 'огонь' + *энер* 'течение, река' и т. д., созданы по всем словообразовательным законам марийского языка и не представляют трудности для воспроизведения и понимания. С другой стороны, возникают вопросы: какие были в то время «литературные нормы» и что такое «языковые нормы» безотносительно к конкретным формам проявления языка? В статье, естественно, не дается ответа на них, потому что о литературных нормах того времени можно говорить только весьма условно, они были еще очень зыбки. Что же касается «языковых норм», то это вообще абстракция. Языковых норм как таковых не бывает, есть нормы литературного языка, разговорной речи, диалектов и т. д.

Нельзя согласиться с утверждением Г. И. Лаврентьева о том, что все неологизмы не употреблялись в языке. Значительная часть новообразований 20-х годов широко употреблялась в литературном языке того времени. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно хотя бы перелистать издания тех лет. Неологизмы эти не были «отвергнуты обществом» (с. 50), они исчезли из литературного языка в силу известных обстоятельств периода 1937—1938 годов, когда их сознательно запрещали для употребления, их просто выбрасывали, предварительно снабдив ярлыком «буржуазный национализм». В изменении политической, а вместе с ней и языковой ситуации в республике, заключена причина того, что новообразования не употребляются в современном литературном языке. Таким образом, основная причина исчезновения их отнюдь не в том, что они представляли собой «неологизмы-прожекты» (с. 50), что они якобы «созданы без учета действующих правил и сложившихся традиций» (с. 51). В большинстве своем они представляли собой вполне нормальные лексические образования, созданные в полном соответствии с законами марийского словообразования. Новообразования 1920-х годов не противоречат ни фонетическим, ни грамматическим закономерностям марийского языка, например: *тоштер* 'музей', *шелтык* 'дробь', *нальык* 'лавина', *витньык* 'доклад', *нергелык* 'система', *палыш* 'грамота', *олтем* 'топливо', *кучем* 'власть', *уверзе* 'вестник', *талешке* 'герой', *күртньырок* 'железная руда', *унагудо* 'гостиница', *корнешке* 'спутник', *тистер* 'алфавит', *төртык* 'закон', *шанче* 'наука', *мутер* 'словарь', *писыт* 'быстрота', *торат* 'дальность' и сотни других, образованных от основ употребляющихся в марийском языке слов при помощи суффиксов или путем словосложения, причем с ощутимым сохранением семантических связей. Употребляясь они в современном языке, вряд ли бы кто обратил внимание на их «искусственность» — настолько они народные

по «духу». Подтверждение тому — постепенное возвращение их в современный литературный язык. Молодое поколение все чаще обращает свой взор к благородной деятельности языковедов первого после-революционного десятилетия. Можно быть уверенным, многие из новых слов получили бы статус равноправных лексических единиц литературного языка, если бы не было 1937 года.

При создании новых образований, думается, было бы ошибкой опасаться кажущейся на первый взгляд необычности. Как известно, все новое на первых порах воспринимается настороженно, кажется необычным, «режет слух», но проходит какое-то время и оно становится обычным. Основное условие «акклиматизации» в языке — употребление в речи, в печати, в публикациях. Частое повторение новообразования легко снимает с него покров необычности, чужеродности. Поэтому я как исследователь, в определенный мере знакомый с историей развития марийского литературного языка, никак не могу согласиться с тем, что защита новообразований 20-х годов есть «примитивно-ошибочная трактовка фактов словообразования» (с. 49), как пытается представить положительную оценку словообразовательной деятельности этого периода Г. И. Лаврентьев.

Защищая плодотворную словотворческую деятельность языковедов 20-х годов в принципе, было бы, разумеется, абсурдно брать под защиту все без исключения неологизмы того периода. Как и всякое начинание, эта деятельность не была лишена и недостатков. Никто не отрицает, что отдельные слова и выражения представляли иногда определенную трудность для понимания в народной массе, были громоздкими с точки зрения структуры и в этом смысле можно квалифицировать их как языковое излишество. Однако это только подтверждает, что был взят курс верный. Поэтому, несмотря ни на что, особо хотелось бы подчеркнуть, что не отдельные ошибки определяли суть словотворческой деятельности марийских языковедов 20-х годов. Основное направление языкового строительства — ориентация на словообразовательные возможности родного языка — было вне всякого сомнения правильным и отвечало чаяниям марийского общества. Это был необходимый объективный процесс в развитии марийского литературного языка. Факт решительного обращения к возможностям родного языка при обогащении словарного богатства не должен вызывать нареканий. В эпоху становления национальных литературных языков он присутствовал у всех народов. В период интенсивного расширения функции языка всегда существует опасность захлебнуться в мощном потоке иноязычных слов. Сохранить чистоту языка в такой ситуации — важная задача общества в период становления литературного языка народа, долгое время находившегося под социальным и языковым гнетом более сильного соседа.

Процесс демократизации литературного языка, разумеется, отнюдь не предполагает полного отказа от заимствований. Безусловно, не насаждался такой подход к русским заимствованиям и в языковом строительстве 20-х годов, как это пытается представить в своей статье Г. И. Лаврентьев. Напротив, этот путь рассматривался как один из важных резервов пополнения лексики литературного языка. Именно потому даже в условиях решительного обращения к словообразовательным возможностям родного языка марийский язык вобрал в себя весьма значительное количество русских слов. Русский язык использовался довольно широко, но лишь с той разницей, что не занимал, как сейчас, ведущего места, остался только дополнительным средством. Это необходимо особо подчеркнуть. Важно иметь в виду также, что все русские заимствования в то время оформлялись в соответствии с фоне-

тическими законами марийского языка. Такое приспособление имело существенное значение в процессе заимствований. Оно в какой-то мере способствовало растворению их в родной стихии, сближало со своими словами, следовательно, создавало более благоприятные условия для «вживления» в язык. Думается, что у истинного ценителя родного слова не вызывает сомнения тот факт, что иностранные слова, проникая в чужой язык, должны определенным образом подвергаться фонетической и орфографической обработке.

К чему приводит пренебрежение использованием словообразовательных возможностей родного языка и несоблюдение умеренности в процессе заимствований, можно наблюдать, вслушавшись в разговорную речь «трудового народа с высокоразвитым чутьем языка» (с. 58). Демагогическая апелляция к народу выглядит, несомненно, выигрышно, но она, думается, далеко не главный аргумент в таких понятиях, как литературный язык. Литературный язык не создается народом в целом. Вопреки Г. И. Лаврентьеву, осмелюсь утверждать, что литературный язык — результат сознательного вмешательства в языковые процессы, создается он отдельными личностями или обществом в лице своих институтов, академий и т. д. В таком случае зачем же пытаться отрицать такой важный момент в первоначальном развитии литературного языка, как создание новых слов?

Если вникнуть в логику рассуждений Г. И. Лаврентьева, не трудно понять, что это не что иное как попытка умалить значимость 20—30-х годов в истории марийской культуры, зачеркнуть бескорыстную деятельность значительной части творческой интеллигенции, всецело отдавшей себя делу развития культуры своего народа, стремление встать в позу единственно правильно понимающего сложные процессы языкового развития.

Не имеют ничего общего с научной объективностью, декларируемой автором статьи, безответственные утверждения типа «умалчивание о том, что «язык создается народом» (с. 59), «изменение направления языкового строительства (после 1938 года — И. И.), конечно, не причина, а лишь следствие» (с. 56), «пуристическое направление... максимально отдалило книжный язык от марийского языка широких слоев трудового народа» (с. 55) или «задача современной марийской историко-лингвистической службы (?) заключается не в простом перечислении всего того, что характеризовало язык периода интенсивного роста национального самосознания, и не в поклонении языку той эпохи как неприкосновенному кумиру (?)» (с. 52), «уже в середине 30-х г. г. функциональное развитие марийского литературного языка, общий подъем народного образования, науки, техники и культуры в Марийской АО (затем АССР), партийное руководство развитием литературного языка обусловили повсеместное вытеснение русизмами и интернационализмами прежних искусственно выдуманных слов-терминов» (с. 53). Разве не ведомо Г. И. Лаврентьеву, каких «успехов» добился марийский литературный язык после 1938 года, во что он превратился в последующие годы? О каком функционировании развитого литературного языка в тот период может идти речь?

Вопросы развития литературного языка требуют к себе исторического подхода, оценивающего всякое явление с точки зрения той исторической эпохи, в которой оно развивалось. Это, к сожалению, совершенно отсутствует в написанной с претензией на широкое обобщение статье Г. И. Лаврентьева.

Статья изобилует предвзятыми, нарочито подогнанными под свой вывод утверждениями, а порою просто вымыслами. Например, это касается оценки взглядов Г. Г. Кармазина (с. 62). Деятельность не-

сомненно выдающегося лингвиста в наших исследованиях всегда оценивалась только с положительной стороны. Абсурдом выглядит также утверждение автора, что «некорректные сведения просачиваются... в вузовское преподавание истории литературного марийского языка» (с. 46). Откуда у автора такие сведения? На занятиях по истории литературного языка он не бывал, а учебников и учебных пособий по этой дисциплине пока еще нет. Ссылка на научную статью не дает права на столь широкое обобщение.

Анализ путей развития марийского литературного языка дает полное основание говорить о словотворческой деятельности 20-х годов как необходимым этапе в истории его формирования. Словотворчество как один из способов лексического обогащения должно получить не только теоретическую реабилитацию, но и практическое применение в современном языке. И само собой разумеется, необходимо вернуть в литературный язык часть неологизмов 20-х годов. Они могут еще сослужить литературному языку добрую службу.

Попытку ошельмовать словотворческую деятельность марийских языковедов Г. И. Лаврентьев предпринимает не впервые. Но, к счастью, стрелы его критики летят мимо, потому что слишком много в ней субъективистского подхода и высокомерного самомнения по отношению к первым деятелям марийского культурного строительства, создателям современных норм литературного языка. Сей, с позволения сказать, научный труд и есть не что иное, как, говоря его же словами, «субъективно-любительское восприятие языковых фактов и поэтому не укладывается в рамки обычной логики» (с. 49). Остается только сожалеть, что подобные материалы появляются в авторитетных изданиях научного учреждения, известного своими демократическими традициями.

I. G. IVANOV (Joškar-Ola)

ÜBER DIE NOTWENDIGKEIT DER BILDUNG VON NEUEN WÖRTERN IN DER MARISCHEN LITERATURSPRACHE WÄHREND DER ZWANZIGER JAHRE UNSERES JAHRHUNDERTS

In der Polemik mit G. I. Lavrent'jev vertritt der Autor des vorliegenden Artikels den Standpunkt, daß die dringende Notwendigkeit bestand, auf der Basis des Marischen neue Wörter zu bilden und daß sich eine übermäßige Anwendung russischer Lehnwörter negativ auf die marische Literatursprache auswirkte.